

К 60-летию со дня рождения М. Бегалина

ВЫПОЛНЯЯ ДОЛГ ХУДОЖНИКА

ПРОМЕЛЬ К НУЛИ на экране финальные кадры. Словно растаяли там, за далекой чертой горизонта, оставив в душе ощущение грусти о несбывшемся счастье, о мечте, которой так, видать, и не суждено сбыться... «Следы уходят за горизонт» — один из лучших фильмов заслуженного деятеля искусства Казахской ССР Мажита Бегалина, показанный в Алма-Атинском Доме кино на вечер, посвященном 60-летию со дня его рождения, как бы еще раз возвратил нас в мир творческих исканий режиссера. И оказался здесь сам Мажит Сапаргалиевич, он услышал бы слова признания в том, что искусство его сохранило молодость и актуальность. Но он не дождал до этого юбилея. И может, поэтому становятся все более и более значимей высказанные когда-то им мысли, суждения. Они — опыт творческого человека, обобщенный не только в экранных образах, но и в словесных формулах. Говорил же он, как правило, охотно, и в память об этих моментах хочется поделиться отдельными записями.

Как художника Мажита Бегалина всегда волновала проблема личности. Не просто как таковой, а знаменующей ту или иную веху в судьбе народа. И сегодня, говоря о творчестве режиссера, мы в первую очередь вспоминаем его фильмы, обращенные к фигурам исторического масштаба — Чокану Валиханову, Маншук Маметовой, генералу Панфилову, воину и писателю Бауржану Момышулы. Вот картина «Его время придет», открывшая заново жизнь выдающегося сына казахского народа Чокана Валиханова. Почему внимание Бегалина сосредото-

чилось на нем? Известно, что фильм вышел за рамки сложившихся к тому времени традиций так называемого биографического жанра в кино. Чем объяснял удачу сам режиссер, что он вкладывал в это понятие?

«Прежде всего, — говорил Мажит Сапаргалиевич, — мне хотелось бы сказать, что биографический фильм не есть перечисление тех или иных хронологических дат героя. Художник прежде всего исследует не даты, не документы, а нравственные, политические стороны жизни. И в этом я усматриваю главную задачу художественного фильма и биографического, в частности. Образ Чокана Валиханова интересовал меня, что называется, с детства. Он — одна из выдающихся личностей нашей, если можно так выразиться, письменной культуры. По существу, один из первых казахских писателей. Помимо этого, он был историком, этнографом, географом и вообще просветителем, его значительные труды вошли в сокровищницу мировой науки и культуры казахского народа. Для меня Валиханов — романтическая фигура, чья жизнь и искания в какой-то степени перекликаются с жизнью Михаила Лермонтова. Но не в том смысле, когда говорят: «Это наш казахский Лермонтов». Что значит «казахский» — не казахский? Валиханов, естественно, был Валихановым. Я имею в виду его внутренний посыл, общность кругозора, амплитуду духовных интересов. Будучи в Петербурге, он сумел завязать дружбу с передовыми мыслителями тогдашней России, сгруппировавшимися вокруг Чернышевского, вокруг журнала «Современник». А его близкая дружба с Достоевским! Памятником

этой близости служат нам письма Федора Михайловича и Валиханова с их взаимным обменом мыслями, большого масштаба раздумьями над судьбами времени, над судьбами народа. Эти письма, мне кажется, требуют настоящего исследования.

Даже беглая обрисовка образа Чокана говорит о том, что он фигура необыкновенная для Казахстана XIX века. Как было пройти мимо него, как делать фильм, не попытавшись сколь можно глубже проникнуть в суть его мировоззрения, прогрессивного взгляда на явления своего времени?»

Метод художественного обобщения. Мажит Бегалин обучался ему у крупнейших мастеров советского кино — С. Эйзенштейна, В. Пудовкина, С. Герасимова. Они были его педагогами, когда он был студентом ВГИКа. И еще он глубоко усвоил мысль — ее любил повторять творческий руководитель Бегалина Сергей Апполинариевич Герасимов — о том, что фронт гигантской идеологической битвы пролегает сейчас через сознание человека и что искусство далеко не последний фактор в формировании этого сознания. Осознавая долг художника с высоких гражданственных позиций, Бегалин не мог не сказать своего слова о современниках, а именно о тех, чья юность совпала с тяжкими испытаниями. Как и тысячи его сверстников, Мажит Сапаргалиевич ушел на фронт, сменив ученическую форму на солдатскую. Ушел в составе легендарной Панфиловской дивизии, и первое боевое крещение принял в боях за Москву. Потом его ранило. Ранило тяжело и непоправимо. Он был отправлен в тыл, на родину. Казалось, на этом

должна была бы закончиться его боевая биография. Но как забыть пережитое, как обойти в мыслях и воспоминаниях погибших друзей-однополчан? Так появились его картины «Песнь о Маншук», «За нами Москва» — правдивое свидетельство очевидца и участника военных событий.

«В том и другом фильме, — говорил в одном из интервью Мажит Бегалин, — действуют люди неординарные, с большими судьбами, крупными характерами. Вот Маншук — прожила всего девятнадцать лет, но своим подвигом оставила неизгладимый след и вошла как одна из героинь не только казахского, но и всего советского народа в историю борьбы с заклятым врагом человечества — фашизмом. Но я делал фильм не только о том, как она, конкретная Маншук, жила, училась, воевала. Я старался рассказать о личности, намеренно приподнимая, поэтизируя ее образ. Маншук идет навстречу подвигу. И в том, что она его совершает, нет случайности. Это вытекает из всего ее существа. Она не просто воюет, она проникнута всеобщим народным чувством справедливости, и в этом чувстве истоки ее героизма. Именно поэтому в фильме появляются как бы два плана: один — реальный, суровый, с бытовыми подробностями войны, второй — поэтический, живущий в ее воспоминаниях. Это не просто мои лирические отступления, а образный показ того, что отняла война у миллионов людей. Это протест против бесчеловечности войны. И путь такого показа в раскрытии такой героини, как Маншук Маметова, я считаю наиболее правильным.

Другая задача стояла

передо мной в фильме «За нами Москва». Мне хотелось показать, как благодаря умелому воспитанию выдающегося полководца Панфилова офицер Советской Армии Бауржан Момышулы обретает одну из сложнейших профессий — профессию командира, воина-творца. Меня интересовали обе эти личности, интересовала природа их взаимоотношений, так как в этом я видел объяснение того, что наша армия вынесла все тяжкие испытания и одержала нелегкую победу над врагом.

Оставляя документальное, фактографическое изучение научным работникам и исследователям, мне хотелось показать массовому зрителю то, что скрыто от внешнего взгляда — внутренний мир героев, их духовную жизнь, высокие моральные принципы».

Как-то Мажит Бегалин признался: «Если бы я не был кинематографистом, то стал бы историком». Дань этому пристрастию была отдана им не только фильмом о Чокане Валиханове, но и картинами о нашем времени. Готовился он и к ответственной работе над фильмом о великом казахском просветителе, философе, поэте — Абае Кунанбаеве. Как опытный режиссер, чувствовал себя в состоянии поднять этот гигантский материал. Но судьба распорядилась по-иному. И теперь, когда в казахстанское кино пришло уже новое поколение, оно должно пережить из опыта Мажита Бегалина все лучшее, продолжить его начинания и сделать все, чтобы наш зритель получал фильмы подлинно художественные и такого же высокого гражданского звучания, как фильмы уходящих мастеров.

Л. ЕНИСЕЕВА.